

На этой странице «Альбома» рисунок не совсем обычный. Можно даже сказать, что он уникален. Но не по мастерству исполнения. В этом, как раз, он уступает

другим. Набросок интересен своим сюжетом, предназначением, утилитарностью, если желаете.

Хотя формально числится в разряде автопортретов поэта.

Мне до сих пор кажется, что в жизни Александра Сергеевича Грибоедова была какая-то тайна. Что-то невысказанное, ненаписанное и никому, даже самым близким людям, неизвестное.

Не знаю, отчего это происходит. Может быть, оттого, что сам он был не слишком охоч до откровений. Возможно, государственная служба, занимавшая в его жизни гораздо больше места, чем у многих собратьев по перу, приучила его к сдержанности... Однако, что проку гадать, ко-

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...

Два портрета «собрата по музам» Пушкин нарисовал в 1828 году в черновой рукописи стихотворения «Предчувствие». Я уже рассказывал о нем, когда представлял в нашем «Альбоме» Анну Оленину, ибо сочинение это посвящено ей. Рисунки появились вскоре после встречи тезок весной в Пе-

Александр Грибоедов

Вел. Москва - 1993 - 27 апр. - 63

гда эта тайна даже для меня самого — не факт вовсе, не реальность, а некое ощущение.

Мысли эти давно занимают меня и побуждают вновь и вновь возвращаться к произведениям Грибоедова, его немногочисленным запискам, статьям, заметкам, письмам, уместившимся в одном томе, к газетным статьям и монографиям в поисках волнующей меня «тайны».

Несколько лет назад волею судеб оказавшись в Тегеране, я пошел в советское посольство, чтобы узнать, как найти место, где в минувшем веке располагалась русская дипломатическая миссия, где погиб страшной смертью один из наших национальных гениев — посланник Александр Грибоедов. Приветливый и доброжелательный чиновник, оказавшийся к тому же моим земляком из Твери, снабдил меня туристской схемой столицы Ирана и сказал, что на месте бывшего российского посольства находится теперь наше торговое представительство и что там, во дворе, есть памятник Грибоедову.

В декабре. На пыльных улицах Тегерана продавали новогодние елки, а в садах и на бульварах зеленели какие-то неизвестные мне деревья. С грациозных минаретов неслись вечерние молитвы. Плутая в лабиринте городского центра, я подумал тогда: «Господи, как же, должно быть, было одиноко и тоскливо здесь ему — москвичу, русаку». Не случайно же перед своим отъездом в Персию, куда был он в 1828 году назначен министром-резидентом, Грибоедов говорил Пушкину при очередной их встрече в Петербурге: «Вы не знаете этих людей: вы увидите, что пойдут в ход ножи».

Я вернулся в гостиницу с половины дороги: ноги не шли на это проклятое место...

Александр Сергеевич Пушкин рисовал своего полнотелку несколько раз. Портреты эти печальны. Великий комедиограф на них не очень-то походит на парадный, канонические свои изображения. Впрочем, и на них — по крайней мере, на тех, что видены мною) в его лице мало веселья и радости. Сосредоточенный, пристальный взгляд. Черты волевые, выдающие глубокий ум, сильный характер. Пушкинские рисунки еще более, вероятно, обнажают сущность этого человека, совпадая со словесным портретом Грибоедова, набросанным поэтом в «Путешествии в Арзрум». Вот лишь несколько штрихов: «Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену...

Жизнь Грибоедова была затемнена несколькими облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств...

тербурге. Если сопоставить эту дату с упоминавшейся выше Пушкиным, то станет ясно, что приятели не виделись десять лет.

Наброски (они расположены рядом) отразили впечатления от этой встречи. Грибоедову было в ту пору всего лишь тридцать три года, однако на рисунке перед нами не очень-то молодой человек. Он абсолютно узнаваем (особенно на первом рисунке), но выглядит явно не по годам. Печальный, почти трагический рисунок. Должно быть, Грибоедова, приехавшего в столицу со знаменитым Туркманчайским договором с Персией, одолевали недобрые предчувствия. Уж кто-кто, а он-то, вложивший в этот договор столько сил и нервов, знал, сколь непрочен флёр, накинутый на сложные отношения с южным соседом. Вот тогда и сказал Пушкину слова о ножах, оказавшиеся пророческими.

Портрет, с которым я знакомлю вас сегодня, появился уже после смерти Грибоедова. Поэта потрясла эта кровавая трагедия. Он не только глубоко уважал, но и высоко ценил божественный дар человека, подарившего России одну из самых блистательных комедий. Прочитав «Горе от ума» в михайловской ссылке, Александр Сергеевич писал А. А. Бестужеву:

«Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собой признанным. Следственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб пре-

восходны... О стихах я не говорю: половина — должны войти в поговорку».

Как всегда, угадал.

Но вернемся к портрету. Он был набросан Пушкиным весной 1831 года. Татьяна Григорьевна Цявловская высказала предположение, что, скорее всего, произошло это за беседой в доме у Плетнева. Первой владелицей рисунка стала его сослуживица по Екатеринбургскому институту классная дама П. И. Соколова. Ей принадлежат, вероятно, надписи на листе с рисунком, засвидетельствовавшие дату создания портрета и его авторство.

Честь первой публикации портрета — за уже неоднократно упоминавшимся мною А. М. Эфросом. Он же предположил, что толчком для наброска было посещение Пушкиным вместе со своей молодой женой представления «Горя от ума» в Петербурге 28 мая 1831 года.

Скорее всего, так оно и было. Однако поводов вспомнить трагически рано ушедшего из жизни собрата, единоверца, единомышленника у Пушкина было более чем достаточно. Он, может быть, как никто из современников понял и оценил значимость содеянного Грибоедовым в русской словесности, в русском театре, в нашей культуре. Он острее других ощущал и трагизм этой невозможной потери для Отечества.

Сколько много мог бы сделать этот человек и на поприще дипломатическом, государственном, служа своей родине, и на поприще литературном, служа русской словесности. Но и то, что создано Грибоедовым, обесмертило его имя. Даже в наше не самое лучшее для литературных юбилеев время мы достойно отметили 200-летие со дня рождения великого драматурга, подтверждая свою благодарность ему. Совсем не случайно оказался его портрет и на одной из страниц «Пушкинского альбома».

Пользуясь этой публикацией, я хотел бы внести уточнения в сведения о жизни Грибоедова, приведенные в двух источниках. В книге Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение», завоевавшей большой и заслуженный авторитет у читателей, ошибочно указан год рождения драматурга — 1790-й. Эта ошибка тем более досадна, что не указывается в приложенном к книге перечне исправлений и опечаток. На самом деле Александр Сергеевич Грибоедов родился 4 января 1795 года в Москве, в семье отставного секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова. Судя по тому, что ныне отмечался двухвековой юбилей автора «Горе от ума», дата сия сомнения не вызывает.

Второе уточнение не носит хронологического характера. Оно — из сферы личной, даже интимной. В декабре прошлого года газета «Вечерний клуб» опубликовала интересный материал Бориса Савченко «Почему убили Александра Грибоедова». Я, как и многие читатели, благодарен автору за собранные воедино сведения о трагической гибели нашего великого соотечественника. Но с одним местом публикации не могу согласиться: Вот оно: «На Кавказе Грибоедов экспромтом — не похоже ли это на акт отчаяния? — женится на 15-летней княжне Нине Чавчавадзе, и Аракс — новую границу России и Персии — молодые пересекают уже вдвоем в сопровождении respetабельного каравана свиты на 110 лошадей и мулах».

Не могу согласиться с «экспромтом». Это так непохоже на Грибоедова. Да и потом, есть убедительные свидетельства того, что он любил Нину Александровну. Читаем у Пушкина: «Приехал в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни». Читаем у Пушкина, наконец, у самого Грибоедова — в единственном сохранившемся письме его к жене, отправленном 24 декабря из Казбина: «Душенька. Завтра мы отправляемся в Тейран, до которого отсюда четыре дня езды... Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить...

Прощай, Ниночка, ангельчик мой... Прощай, бесценный друг мой... Целую тебя в губки, в грудку, ручки, ножки и всю тебя от головы до ног. Грустно...».

Может быть, как пишет Б. Савченко, это и был «акт отчаяния»: трагические предчувствия не покидали его — но была и любовь, которая помогла Александру Сергеевичу Грибоедову это отчаяние преодолеть, и пусть ненадолго, почувствовать себя счастливым.

Его похоронили 18 июля 1829 года в Тифлисе, в ограде монастырской церкви святого Давида на горе Мтацминда. На могильном памятнике начертано: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...»

Алексей ПЬАНОВ